

Стефка Янчева Петкова-Калева

Ложь как коммуникативный феномен : в контексте болгарской и русской лингвокультуры

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 10, 43-55

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Стефка Янчева Петкова-Калева

Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария)

ЛОЖЬ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН (В КОНТЕКСТЕ БОЛГАРСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)

Не будь лжи, не стало бы и правды.
Русская пословица

Как это ни парадоксально, человек не может обойтись без лжи. Это утверждение стало общей темой в исследованиях по психологии общения, психолингвистике, лингвистической прагматике.

Ложь является составной частью нашего общественного договора. В своем «Трактате по общей семиотике» У. Еко справедливо заявляет, что «семиотика в принципе является дисциплиной, исследующей все, что можно использовать с целью обмана» (Еко 1993: 33), а это наводит на мысль о лжи как универсальной форме развертывания тотального семиозиса.

Своеобразной модификацией лжи, которой все мы предаемся, безусловно, является искусство. «*Искусство – ложь, которая делает нас способными осознать правду*» – утверждает великий Пикассо. «*Сказка-ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок*» – читаем у А. Пушкина. В том же контексте следует рассматривать и трактовку театрального искусства¹.

Ложь – неотъемлемая часть политического дискурса. В своей книге «Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века» Э. Тофлър подчеркивает, что специалисты в области политической стратегии и тактики не нуждаются в научных истинах и даже элементарной точности, а в мунициях, которые могут использовать в своих инфовойнах. Он выделяет особо девять из многочисленных вариантов так называемого «муссирования сообщения», среди которых, наряду с умолчанием, тактиками крох, выжидания,

¹ В «Семиотике театрального представления» У. Еко отмечает: «Посредством решения исполнителя той или иной роли («Я – это другой человек») мы входим в возможный, обманчивый мир представления, обретая право праздновать запрет на безверие» (Еко 1984: 125).

оплошности, неопределенности, напускания тумана и др. важное место занимает тактика большой лжи (Тофлър 1996: 329).

Ложь не менее необходима в социальной интеракции. Есть обстоятельства, при которых искренность немислима, ибо каждый из нас вынашивает в себе чувства и мысли, которые не может выразить открыто, не вызвав шок, раздражение или обиду у своего собеседника. В некоторых случаях именно различные коммуникативные ипостаси лжи помогают нашему социальному, а также чисто физическому выживанию. В своем предисловии к русскому изданию книги Пола Экмана «Психология лжи», А. Л. Свенцицкий говорит: «Представьте себе мир, в котором бы все люди резали правду-матку, невзирая на лица и вообще были бы предельно откровенны друг с другом. Так, при встрече один приятель говорил бы другому: «Сегодня ты очень плохо выглядишь». Поступающий на работу человек заявлял бы с порога о своей нелюбви к дисциплине, врач советовал бы пациенту не тратить на лекарства, поскольку у него неизлечимая смертельная болезнь, следователь раскрывал бы свои версии подозреваемому в преступлении, а дипломат делился бы с иностранными коллегами всеми планами своего правительства. Вряд ли такой мир мог бы вообще существовать. С детства мы опутаны множеством условностей, сопровождающих наше общение с другими людьми» (согл. Экман 1999: 3)². Ложь – средство защиты и реализации интересов отдельных людей, групп, слоев общества, народов и государств. Известный исследователь этого социального феномена Д. И. Дубровский отмечает: «Одна из важнейших социальных функций обмана состоит в том, что он способен обеспечивать возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов» (Дубровский 1994: URL http://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/obman1.htm#O_1_4), а Х. Сакс отмечает целый ряд случаев, в которых говорящий вынужден обмануть в целях соблюдения действующего в обществе принципа т. наз. говоримости (tellability). В соответствии с этим принципом о некоторых вещах можно говорить только в кругу семьи, есть вещи, которые можно доверить только врачу или священнику и т.д. Кроме того, следует соблюдать и определенный порядок подачи информации, при котором часть собеседников должна узнать информацию раньше других (Sacks 1975: 63–64).

Подобно любому лингвокультурному феномену ложь имеет свои универсальные, цивилизационные, социокультурные и индивидуальные измерения. Универсальна по своему характеру ее связь с метакатегориями истины и искренности. В теории речевых актов рациональность (следование

² Интересен, например, факт, что глагол *врать* происходит от славянского слова *вѣрати*, которое раньше означало *говорить, прорицать, толковать* (кстати, *говорить* – также родственно слову *вѣрати*) и не имело негативного оттенка. В этимологическом словаре М. Фасмера слово «связывается с лит. *var~das* ‘название’, лтш. *va~rds* – то же, др.-прусск. *w~rds* ‘слово’, лат. *verbum*, гот. *waurtd* ‘слово’» (<http://vasmer.narod.ru/p116.htm>).

истине) и искренность (сознательно придерживаться истины) выдвигаются в ранг законов, которым каждому говорящему человеку следовало бы подчиняться (Грайс, Лакоф, Болинджер). В этом смысле различные модификации лжи, нарушая эти законы, формируют основу т. наз. **неискреннего дискурса**. Неискренний дискурс – это дискурсивная стратегия языковой личности, связанная с выражением особого личностного смысла, чьей сущностью является сознательная замена истинных (с точки зрения языковой личности) пропозиций неистинными (Плотникова 2000: 25). Истинная пропозиция остается на уровне скрытого смысла, «который не получает вербального отражения в тексте, но подразумевается реципиентом (адресатом) сообщения на основе языковой компетенции, знаний о мире и различимых в тексте сообщения невербальных показателей» (Масленникова 1998: 6).

Универсальный характер с точки зрения лингвокультурной картины мира имеет также соотношение лжи со сложным и многомерным пространством молчания. Умолчание, традиционно выделяемое как форма пассивной лжи, является одной из модификаций прототипического молчания. Умалчивая, неискренний говорящий реализует позицию, которую Н. Д. Арутюнова лаконично и точно формулирует как «знаю, да не скажу» (Арутюнова 1992: 49). Искажение информации, со своей стороны, является одной из многообразных ипостасей непрототипического молчания, имеющего место в случаях, когда слова «перестают говорить», когда они «не доходят» до своего адресата, когда они превращаются в «маску», за которой прячутся совсем другие, невысказанные слова, когда не все наши мысли оформляются словом или когда слова говорят, но их смысл понятен лишь немногим «посвященным»³, т.е. случаи пустословия, болтовни, недомолвки, эвфемизации, иносказания, тайнописи, тайноречия и т.п.

Сложная феноменологическая сущность лжи/обмана вызывает необходимость в ограничении этой статьи, целью которой является попытка вывести и структурировать основные модификации лжи на основе языковых маркеров этого феномена в русской и болгарской лингвокультурах.

Классификация языковых экспонентов того или иного коммуникативного феномена может осуществляться на разных основаниях. Основу классификации может составить каждый компонент коммуникативного акта: адресант (коммуникатор), используемый информационный канал, используемый информационный код, адресат (реципиент). В данной статье анализ сосредоточен на коммуникативном поведении адресанта с позиций реализации его коммуникативной интенции⁴.

³ Непротипическим формам молчания посвящены другие статьи автора: Петкова-Калева 2004; Петкова-Калева 2008.

⁴ Интересный взгляд на общезыковые поля обмана в болгарской и немецкой языковой картине мира представлен в работах А. Димитровой (Димитрова 2008: 78–107; Димитрова 2012: 182–200). Семантическое поле обмана в них представлено с точки зрения языкового отражения

Как коммуникативный поведенческий акт ложь попадает в различные контексты интерпретации.

Например, с позиций этики и морали можем говорить о злонамеренной и добродетельной лжи. Выведение такого понятия, как «добродетельная ложь», на фоне общевалидного принципа общения, определенного Грайсом как принцип максимальной искренности, кажется довольно проблематичным и все-таки такое понятие существует. Оно зафиксировано в языковом сознании благодаря таким идиоматизированным формулам, как: болг. *благородна лъжа, невинна лъжа*; рус. *святая ложь, ложь во благо, ложь во спасение, белая ложь, утешительная ложь (СЭРЛЯ)*. Сам А. С. Пушкин оставил нам крылатое послание, заявляя: «*Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман...*». К этому аспекту обмана языковое сознание относится, как правило, позитивно. С пониманием и даже симпатией оцениваются т.наз. *сказки для детей* – например, общеизвестные ответы на вопрос «*Откуда дети берутся?*» типа «*в капусте находят*», «*аист приносит*» и т. п., позволяющие разговаривать с детьми о явлениях или концепциях, которые считаются «недетскими» в обществе, а также рассказы о Деде Морозе и Санта Клаусе. В данном случае языковое сознание бесспорно исходит из фактора нормативности подобного типа коммуникативного поведения.

В одном из самых популярных исследований по психологии лжи П. Экман разграничивает две основные ее формы: умолчание и искажение. При умолчании лжец скрывает истинную информацию, но не сообщает ложной. При искажении лжец не только скрывает правду, но и предоставляет взамен ложную информацию, выдавая ее за истинную (Экман 1999: 12). В юриспруденции эти две формы речевого поведения получают названия *пассивная ложь* и *активная ложь* (Закатов 1984: 26). При более детальном рассмотрении проявления коммуникативного феномена, можно разграничить три типа речевого поведения, которое вводит в заблуждение: ложь, полуправда и умолчание. Оба полюса оппозитивного ряда легко различимы, но граница между полуправдой и ложью, между полуправдой и некоторыми формами умолчания исключительно динамична.

В формальном отношении коммуникативный акт умолчания связан с феноменологией молчания. Умолчание может проявиться в отказе от речевого акта (прототипическое молчание) или в сокрытии части известной коммуникатору информации. К периферийной зоне умолчания можно отнести намек и недоговорку. Наивное сознание четко разграничивает умолчание и искажение информации. Если человек решит промолчать, вместо того чтобы открыто переиначить правду, его совесть остается относительно спокойной. Он не чувствует себя обманщиком, фальсификатором. И со стороны

таких элементов коммуникативной ситуации обмана, как: побуждение, импульс; субъект действия; присущие ему свойства; жертва обмана и ее коммуникативная реакция; действие.

общественного мнения его поведение не сталкивается с такой негативной реакцией, какой сопровождается речевое поведение дезинформатора.

Умолчание связано также с селекцией фактов и/или избирательным опущением определенной части информации, выгодной для говорящего и невыгодной и даже вредной для «жертвы». Эти разновидности умолчания характерны для делового партнерства, реализуются широко в отношениях купли-продажи, а также в рекламе, где, по определению, акцент ставится на преимуществах данного продукта, а умалчиваются его недостатки или «слабые» места. Подобная тактика реализации неискреннего дискурса характерна и для сферы политики.

Искажение, или активная ложь в виде полуправды и откровенной дезинформации, реализует второй аспект лжи/обмана. Оно имеет множество вариантов. «Неправда есть намеренная ложь, но вместе с тем она может быть и непреднамеренным заблуждением, и хитроумной фальсификацией, и утонченным лицемерием, и ханжеством окультуренного обывателя, и «правдой» предыдущего исторического этапа» (Дубровский 1994: URL).

При интерпретации данного типа коммуникативного поведения русское и болгарское языковое сознание выделяют несколько групп:

1) *Клевета, сплетни, толки, кривотолки, наговор, оговор, вредословие, злословие, облыг; поклёп, напраслина (разг.), наклёп; обнос (прост.), чернуха (сниж. прост.); диффамация, инсинуация (книжн.); извет, навет (устар.), пасквиль (СС, СРС); болг. клевета, сплетня, клюка, интрига, злословие, клеветничество, инсинуация (книж.), пасквил, донос, козни (книж.), одумки (нар.), хула (БСР)*. Это одна из наиболее предосудительных разновидностей лжи. *Клевета – распространение о ком-либо заведомо ложных порочащих сведений (ТСРЯ)*, а также лжесвидетельство являются уголовно наказуемыми деяниями (ст. 129 УК РФ) (БЮС). Цели клеветника являются вредительскими. Клевета и распространение слухов оскорбляют человеческую личность, поэтому для языкового сознания, вводимого принципами наивной этики, всегда симпатизирующей жертве, такие действия, как *очернить, возводить напраслину, суды и пересуды, сплетничать, чесать язык, пускать дезуху, распускать слухи; очерням, одумвам, злословя, клюкарствам, сплетнича, разносям клюки (за някого)* – заслуживают остро негативной оценки. Сам клеветник тоже получает негативные названия с легко различимой аксиологической коннотацией: рус. *склочник/склочница, наговорщик, оговорщик, переносчик, поклепщик, злые языки; болг. сплетник, клюкар, клю-клю-поща, интригант, клеветник, одумник*. Негативная оценка, несомненно, связана и с бесспорным несоблюдением принципа кооперативности общения, в частности, постулата качества информации «Не говори того, что ты считаешь ложным» (Грайс 1985: 222).

2) рус. *бахвальство, хвастовство, небылицы, шутки, загибы; болг. преувеличение, хвалба, измислици*. Оценка этого типа искажения довольно смягченная, снисходительная, вероятно, потому, что хвастовство безвредно, а граница

между правдой и ложью в *байках* рыбаков и охотников, в *сказках про римский огурец*» легко различима. К героям типа Василия Теркина А. Твардовского, барона Мюнхаузена, дон Кихота Сервантеса, которых В. Шаховский называет фатическими лжецами, языковое сознание очень терпимо и даже испытывает определенные симпатии. Их речевое поведение, реализующее гедонистическую и лудическую функции языка, оценивается как креативное, забавное, как *милое надувательство*. Их *измислици-премислици, пъстри лъжи в кошничка, небылицы в лицах* не вызывают отвращение, а скорее смех.

3) рус. *комплимент, лесть, притворство*, болг. *ласкателство, комплимент, лицемерие, подмазване*. Во всех этих разновидностях неискреннего речевого поведения используется присущее людям чувство собственной значимости. Отдельные модификации, однако, получают различную оценку. Комплимент и в некоторой степени ласкательные слова принимаются реципиентом спокойно и даже с симпатией. Языковое сознание интерпретирует комплимент как акт вежливости, добронамеренности и стремления к сближению. Определяя комплимент и лесть как способ «эмоционального поглаживания», В. И. Шаховский иллюстрирует отношение к ним словами И. Губермана: «*Возможность в душу лестью влезть // Никак нельзя назвать растением // Мы бескорыстно ценим лесть // За совпадение с нашим мнением*» (Шаховский 2005: 186). В русской лингвокультуре интерпретация этого типа речевого поведения отражена в прецедентном высказывании из басни И. Крылова «Петух и кукушка»: «*Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку*». Подхалим и лицемер, однако, пересекают невидимую границу допустимой неискренности. Корыстолюбие подобного поведения приводит к унижению собственного достоинства, и поэтому оценивается очень отрицательно, о чем свидетельствуют экспонентные формы типа рус. *рассыпаться мелким бесом, подлизываться*; болг. *блюдолизничка, целувам задника, подмазвам се, любезничка*. Вряд ли кто-нибудь обрадовался бы собственному прозвищу типа *Сахар Медович* или *Мазна Гана*.

4) *Размещение акцентов* в информации, *изменение фокуса оценки* о том или ином факте, *подтасовка фактов*. Эти разновидности полуправды составляют основу языковой демагогии. Мы сталкиваемся с ними, например, в случаях, когда личный интерес адресанта представляется как интерес собеседника или (в политическом дискурсе) как интерес общества. Данная модель жонглирования полуправдой лежит в основе пропаганды, рекламы, паблик рилейшнс. Механизм действия всех трех разновидностей распространения «обработанной» информации один и тот же, независимо от того, что пропаганда связывается со сферой идей и политики, а остальные две формы – со сферой делового общения.

5) *Дезориентация*, чрезмерная обобщенность и неопределенность высказывания (*амфиболия*). Эта разновидность неискреннего дискурса связана со словесным излишеством при неполноте информационного потока. Ее разновидностями являются намеренное риторическое запутывание или сбивание

с толку (Болинджер 1987: 33–34), столь характерное для речи политиков, а также обычное многословие. «В болтливости скрывается ложь, а ложь, как известно, есть мать всех пороков» отмечает М. Е. Салтыков-Щедрин. Не случайно в словарях синонимов лексемы типа рус. *брех(ня)*, *вздор*, *тrep*, *чушь*, *чепуха*; болг. *дрънканици*, *дрън-дрън*, *краставици на търкалета*, *глупости*, *брътвежи*, *бабини деветини* рассматриваются в синонимическом ряду лексем *ложь*, *обман*; *лъжа*.

Трудно ожидать положительной оценки в этих коммуникативных контекстах, поскольку в них происходит нарушение коммуникативного принципа корректности и полноты информации. И действительно, лексические и идиоматические системы русского и болгарского языков фиксируют немало форм негативной оценки: напр. рус. *темнить*, *недоговаривать*, *ходить вокруг да около*, *вола вертеть*, *разводить вавилоны*, *заправлять/запускать арапа*, *валять дурака*, *навешивать (наводить) тень на плетень (ясный день)*, *(вести) разговор на пользу бедных*; болг. *трайкам си*, *говоря с половин уста*, *говоря със заобикалки*, *замъглявам нещата*, *усуквам го (по килифарската)*, *правя се на ударен / на три и половина / на луд / на балама*; *баламосвам*, *будалкам* и мн. др.

б) рус. *мистификация*, *блеф*, *слухи*, болг. *мистификация*, *блъф*, *слухове*. К данной разновидности лжи относятся случаи, когда неполная информация или информация, в истинности которой говорящий не уверен, выдается за корректную и правдивую. Это связано с нарушением постулата качества информации Грайса в варианте «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований», что является основанием для негативной оценки со стороны языкового сознания.

7) Сознательная дезинформация, или *ложь* в чистом виде⁵. В языковой картине мира русских и болгар именно она является прототипом, центральной ипостасью заблуждающего речевого поведения. Не случайно синонимический ряд глаголов *лъжа* / *лгать* в основном включает именно ее вербальные интерпретации, например: рус. *лгать* – *дурачить*, *морочить*; *надувать*, *плутовать*, *обвешивать*, *вешать (навешивать) лапшу (лапиши) на уши*; *вклеивать*, *крутить*, *пудрить*; болг. *лъжа* – *лъготя* разг., *мамя*, *зальгвам* (только несв.в.), *заблуждавам* (только несв.в.), *мотая* разг., *ментосвам* разг. (само в несв.в.), *ментя* жарг. (БСР) и мн. др. (в словарях синонимов русского языка эти формы исчисляются десятками).

Спецификой русского языка, по сравнению с болгарским, при маркировке этого коммуникативного феномена, является разделение семантического пространства между лексемами *ложь* и *обман*. Исследователи отмечают направленность лексемы *ложь* на интенцию, на осознанное поведение: «ложь – заявление, рассчитанное на обман, когда говорящий умалчивает или искажает то, что он знает о рассматриваемом положении вещей, либо

⁵ *Ложь* – ж. Намеренное искажение истины; неправда (СТСРЯ, т.1).

когда он знает нечто другое, чем то, что он говорит» (ФЭС), и направленность лексемы *обман* на успешность, эффективность речевого действия (см. например, Панченко 1999). В болгарском языке целенаправленное искажение речевой информации маркирует только лексема *лъжа*. Хотя переводные словари приводят в качестве соответствия лексеме *обман* болгарскую лексему *измама*, на самом деле в языковом сознании *измама* имеет комплексный поведенческий характер. В этом плане лексема *измама* ближе по своей семантике и употреблению лексеме *мошеничество*. В языковой картине мира эта форма лжи обозначается еще как: рус. *вранье, враки, туфта разг.*; очковтирательство; транда; лажа разг. сниж.; деза разг. сниж.; *дезуха; (развесистая) клюква (СС)*; болг. *лъжа, измама, дезинформация*. Ложь определяется как *чудовищная, гнусная, грязная, отвратительная, бесовестная, бестыжая, наглая, ложь/обман (СЭРЛЯ)*; *чудовищна, отвратителна, гадна, противна, мръсна, долна лъжа*. Человек, использующий ее в своей речевой практике, получает исключительно негативные названия, особенно многочисленные в русском языке (в СРС, например, насчитывается 71 синоним с общим значением лгун), ср.: рус. *лгун, лжец, врун, враль, вруша, брехун, лгунишка, врунишка, залыга, обманичик, свистун, шлепало, обайщик, обморочитель, одуричик, оплетала, очковтиратель, тюлькогон, фуфло* и мн. др. (СС, СРС); болг. *лъжльо разг., ментарджия разг., търчи-лъжи разг., мента жарг. (БСР)*. Особую нетерпимость вызывает поведение политиков, использующих ложь, а также механизмы промывания мозгов и инерции лжи⁶ для достижения своих целей манипулирования обществом. В своем исследовании лингвистики лжи Д. Болинджер отмечает, что в речи политиков ложь, сопряженная с номинацией, иногда доходит до такого совершенства, что «бомбардировки становятся защитной реакцией, концентрационные лагеря – центрами умиротворения или лагерями беженцев, а разбомбленные дома – военными объектами» (Болинджер 1987: 34-35). Водимые своим инстинктом самосохранения люди категорически отвергают эти попытки деформирования сознания и заряжения человеческой памяти. Следует отметить, что в синонимическом ряду обозначений лжецов в русском языке присутствуют и номинации, типа *ну, ты чубайс!* (СС ASIS, РЯ) и *троцкий* (СС ASIS, СРС).

В русской культуре образ лжеца связывается с рядом прецедентных имен. К ним, кроме уже упомянутых, относятся, например: Лука из пьесы М. Горького «На дне» (*Лука-утешитель*) – стереотипный образ лжеца, обещающего невозможное и дающего напрасные надежды; гоголевский *Хлестаков* – неудержимый лжец, стремящийся путем обмана повысить свой социальный статус в глазах собеседников; чеховский *хамелеон*, превратившийся

⁶ Инерция лжи – это психологический механизм, под воздействием которого даже разоблаченная ложь утверждается прочно в глубине памяти человека, сохраняя способность всплыть на поверхность в течение всей его жизни.

в нарицательное название конформиста. Поведенческие стереотипы, представленные этими персонажами, небезобидны в социальном плане, поэтому лексемы, связанные с их обозначением, носят яркую пейоративную окраску. Со своей стороны, болгарское культурное пространство располагает своим стереотипным собирательным образом благородного лжеца – *Андрешко* из одноименного рассказа Елина Пелина⁷. Кстати, в последние годы положительная оценка этого образа уже ставится под сомнение. Примечателен, например, следующий комментарий болгарского блогера: *Болгария – чудесный пример для Западных Балкан своей сильной привязанностью к европейской модели*, похвалил нас недавно заместитель-председателя Европейской комиссии Франко Фратини. Бедный Франко! Откуда ему знать, что *европейское призвание* болгар существует только в полных фальши речах политиков, из-за которых выглядывает Андрешко в многочисленных перевоплощениях. Бодрый, лукавый и посредственный. Без единой европейской мысли в башке» (В. Трифонов, *Още веднъж за Андрешко и Андрешковщината*, <http://www.svoboddata.com/>, 04.02.2012). Характер прецедентного феномена имеет в болгарском языковом сознании также образ *пастушонка лгунишки (лъжливето овчарче)* из одноименной сказки, превратившийся в собирательное обозначение человека, которому никто не помогает из-за того, что он несколько раз одурачивал всех своими ложными призывами о помощи⁸. Прецедентным в болгарской лингвокультуре является также антропоним *цвинокио* (ср. рус. Пинокио), а скорее, нос популярного героя Карло Голдони, который, как известно, после очередной лжи становился все длиннее. В Интернете замечается использование этого антропонима для иронической номинации бывшего министра внутренних дел Цв. Цветанова (у которого действительно длинноватый нос) в целях оценки его небезупречных политических действий и высказываний, см. например: *Ъъ ... е нали уж цвинокио беше победил ОПГ-тата ... що щат гдбоп там? кога излъга цвинокио?* (Seга, 22.01.2012). В болгарской идиоматике вычерчивается и образ типичного обманщика, имеющий характер этнического стереотипа – образ цыгана/цыганки. *Лъже като дърт / брадат циганин / като дърта циганка* – говорят о человеке, который часто и бессовестно лжет.

Речевое поведение лжеца/обманщика, как правило, получает негативную оценку. Незначительный свет на источник негативной коннотации в восприятии лжи бросает культурологический ракурс в семиотическом развертывании лексем *лъжа* и *ложь*.

⁷ В рассказе Андрешко обманывает, чтобы спасти своего односельчанина, оказавшегося в трудном положении из-за невозможности заплатить государству налог.

⁸ Кстати, русские пословицы показывают активность данного аспекта интерпретации и в русском социокультурном пространстве, например: *Соврешь – не помрешь, да вперед не поверят; Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят; Раз солгал, а на век лгуном стал* и др. (Даль 1989).

Этимологический анализ⁹ показывает, что, с одной стороны, эти лексемы связаны с концептуальной областью пустоты – в сознании древних значение ‘пустота’ нередко переходило в значение ‘обман’, например: лат. *vacuus* ‘пустой’ > др.инд. *vaqua* ‘ложь, обман’. В европейской культуре концепт «пустота» в целом наделяется отрицательной коннотацией. Среднестатистический европеец намного более привязан к материальному миру, к чувственному опыту, чем к незримому единству мироздания, скрытому за доступным зрению образом пустоты. Поэтому для него пустота связана прежде всего с феноменологией отсутствия, недобора, недостатка. Она его пугает. М. Хайдеггер даже усматривает в этом «*horror vacui*» («страхе пустоты») одну из фундаментальных характеристик человека (Хайдеггер 1993: 313). С другой стороны, данные этимологии соотносят семантическую область лжи и обмана с нанесением морального и физического ущерба (др.-инд. *droha* – ‘ущерб, вред, увечье, повреждение’ > *dhrut* ‘обман’; лат. *fraus* ‘ущерб, вред’ > ‘ложь’, англ. *fraud*), что также не может оцениваться иначе, как отрицательно.

В русской и болгарской языковых картинах мира речевое поведение обманщика активизирует образ отклонения, движения по кривой, увертывания, переименования, вплоть до занятия противоположной позиции, например: болг. *увъртам, извъртам* (нештата), *усуквам го* (по килифарски) разг. неодобр., *въртя суча* разг., *изопачавам* (нештата), *кривя си душата*, *казвам на бялото черно* (БСР); рус. *увыртываться, искривлять* (факты), *переименовывать* (слова), *извращать правду*; *гнуть* (задвигать, толкать) *туфту* (тюльку) *косяком*, *кривить* (душой), *крутануть, крутить, лавировать* и др. (СС). По всей видимости, для носителей болгарского и русского языкового сознания отклонение от правды – это отклонение от общепризнанных норм порядочности. Тем более, если, *служба кривде, кривозеркалю*, обманщик сумеет *запутать, окрутить, подвести, обмотать* (обвести, обернуть) *вокруг пальца (колена)*; *да преметне, да обърка, да подведе*, т.е. отклонить от правильного пути, от правды самого обманутого.

Другая активная в русском языковом сознании метафорическая модель описывает феномен лжи как процесс заваливания, создания прикрития, препятствующего органам чувств: глазам, ушам, умозрению в получении истинной информации. В языковой картине мира *обманывать* – это *заморачивать, пудрить* (мозги, внимание), *пуржить, пускать пыль в глаза, втирать очки, смазывать* (заливать, замазывать, замусоливать, запорашивать) *глаза* и др. (СС, СРС).

И все-таки, как уже не раз было отмечено, нельзя сказать, что обман оценивается всегда негативно. В этой области корректнее говорить об адгерентности оценки или о флуктуирующей оценке (В. Н. Телия), зависящей от контекста и эмпатии говорящего¹⁰. Позитивно оценивается, например, хитроумная ложь, связанная с проявлением виртуозности и воображения. *Умная ложь лучше*

⁹ Этимологические данные приводятся согласно (Маковский 1996 и Панченко 1999).

¹⁰ Е. А. Яковлева рассматривает концепты «правда» и «ложь» как антиномии русской ментальности: «С одной стороны, в русском логосе отмечается нелюбовь ко лжи, правдоискательство

глупой правды, Красное слово не ложь, гласят пословицы (Даль 1989). Фольклорные персонажи *Лиса Патрикеевна* и *Кума Лиса*, которым всегда удается выйти победительницами из всевозможных ситуаций благодаря своему остроумию и гибкому уму, также чаще всего получают положительную оценку. Одним из любимых героев болгарских сказок является *Хитър Петър* (Хитрый Петр), а День лжи – 1-ое апреля – один из любимых праздников болгар.

Вероятно, все мы хорошо понимаем, что чтобы *обвести вокруг пальца, взять на арапа кого-н., врать как нанятой, как сивый мерин*; болг. *да пратиш някого за зелен хайвер / за липови ябълки / на кино от шест до пет, да избудалкаш някого, да го хванеш на въдицата*, чтобы заслужить номинацию *Лиса Патрикеевна, гусь лапчатый*; болг. *шмекер, хитрец, хитра лисица* требуются определенные качества.

Поскольку, как уже было отмечено, различие между ложью и полуправдой, между полуправдой и правдой трудно уловимо и требует определенных интеллектуальных усилий, способностей и опыта, разоблачение лжи также получает высокую оценку. Вероятно, этим можно объяснить сильный эмоциональный заряд выражений, маркирующих разоблачение лжеца: рус. *Держи карман шире! Ври не завирайся!, Брось арапа заправлять!*; болг. *Тук корабче плува ли? Посмали манго! Разправяй го на старата ми шапка! Мижи да те лажем!* и др. (РБФР).

В заключение можно отметить, что, хотя «у лжи короткие ноги» / «на лжата краката са къси», перечень языковых форм, связанных с ее презентацией, довольно длинный, а это показывает, что русское и болгарское языковое сознание проявляют особую аксиологическую активность к этому универсальному социальному и коммуникативному феномену. В то же время, если в европейской научной парадигме «лингвистику лжи» можно считать уже оформленным научным направлением (подробнее об этом см. Вайнрих 1987; Плотникова 2000; Шаховский 2005 и др.), в славистике неискренний дискурс все еще не полностью изучен и описан. Формирование лингвистики лжи как отдельной научной парадигмы является все еще вопросом будущих многоаспектных наблюдений и исследований.

Сокращенные названия использованных словарей

БСР – Л. Нанов, А. Нанова (1987), *Български синонимен речник*, София: Наука и изкуство.

БЮС – А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева (2003), *Большой юридический словарь*, Москва: Инфра.

и правдоборчество (*За правду Бог и добрые люди*), с другой – житейские мудрости типа *правда хорошо, а счастье лучше; не обманешь – не проживешь*) (Яковлева 2003: 185).

- РБФР – К. Г. Андрейчина, С. И. Влахов, С. П. Димитрова (1980), *Русско-български фразеологичен речник*, София: Наука и изкуство.
- СС – З. Е. Александрова. (2011), *Словарь синонимов русского языка. Практический справочник*. Москва: Русский язык,.
- СС ASIS – *Большой словарь синонимов русского языка*, система ASIS, В. Н. Тришин, 2013, <http://www.trishin.ru>
- СРС – *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений* (1999), ред. Н. Абрамов, Москва: Русские словари.
- СЭРЛЯ – К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло (1979), *Словарь эпитетов русского литературного языка*, Ленинград: «Наука».
- СТСРЯ – Т. Ф. Ефремова (2006), *Современный толковый словарь русского языка*, в 3 томах (около 160 000 слов), том 1, том 2, Москва: Астрель: АСТ.
- ТСРЯ – С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова (1992), *Толковый словарь русского языка*, 22 издание, <http://www.ozhegov.org/>
- ФЭС – *Философский энциклопедический словарь* (2006), ред.-сост. Е. Ф. Губский и др., Инфра-М.

Библиография

- Арутюнова Н. Д. (1992), *Речеповеденческие акты и истинность. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи. Я и Другой*, [в:] ред. Т. В. Булыгина, *Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис*, Москва, с. 6–52.
- Болинджер Д. (1987), *Истина – проблема лингвистическая*, [в:] сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина, ред. В. В. Петрова, *Язык и моделирование социального взаимодействия*, Москва, с. 23–44.
- Вайнрих Х. (1987), *Лингвистика лжи*, [в:] сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина, ред. В. В. Петрова, *Язык и моделирование социального взаимодействия*, Москва, с. 44–88.
- Грайс Г. П. (1985), *Логика и речевое общение*, [в:] ред. Е. В. Падучева, *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика*, Москва, с. 217–237.
- Даль В. И. (1989), *Пословицы русского народа*, Москва: *Художественная литература*. http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/82
- Димитрова А. (2012), *Отваряй си очите, кому се доверяваш! – Trau, schau wet: Измамата в българската и немската езикова картина на света (въз основа на ексцерпиран материал от лексикографски източници)*, [в:] отг. ред. Е. Стоянова, *Годишник на Шуменския университет, Факултет по хуманитарни науки*, том XXIII А, с. 141–181.
- Димитрова А. (2012), *Всеки човек лъже – Jeder Mensch ist ein Luegner: ЛЪЖАТА в българската и немската езикова картина на света (въз основа на ексцерпиран материал от лексикографски източници)*, [в:] отг. ред. В. Попова, *Сборник „Епископ-Константинови четения“*, том XVIII, електронно издание, с. 182–200, http://shu.bg/sites/default/files/EK_18_New_1.pdf
- Дубровский Д. И. (1994), *Обман. Философско-психологический анализ*, Москва, http://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/obman1.htm
- Еко У. (1993), *Трактат по обща семиотика*, София.
- Еко У. (1984), *Семиотика на театралното представление*, Театрален бюлетин, № 3, София, с. 114–128.

- Закатов А. А. (1984), *Ложь и борьба с нею*, Волгоград.
- Маковский М. М. (1996): *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов*, Москва.
- Масленникова А. А. (1998), *Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Санкт-Петербург.
- Панченко Н. Н. (1999), *Средства объективации концепта «обман» (на материале англ. яз.)*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, электронный ресурс: http://www.ahmerov.com/book_1096.html
- Петкова-Калева С. Я. (2004), *Концептуальные «образы» пустоты. «Молчание» в системе русской лексики* [в:] ред. Д. Митев, *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*, вып. 3, Шумен, с. 128–142
- Петкова-Калева С. Я. (2007), *Концептът «празнота» и неговите специфични проекции в българската и руската лингвокултура*, [в:] ред. Д. Даскалова, *Годишник на Шуменския университет «Еп. Константин Преславски»*, том ХХА, с. 162–184.
- Петкова-Калева С. Я. (2008), *Непрототиписческие «образы» молчания в русском языковом сознании*, [в:] ред. В. Аврамова, *Язык, коммуникация, литература, культура. Сборник, посвященный на 35-годишнината на специалност Руска филология в Шуменския университет Еп. Константин Преславски*, Шумен, с. 225–232.
- Плотникова С. Н. (2000), *Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах)*, Иркутск, электронный ресурс: http://www.islu.ru/files/rar/2011/Professores/plotnikova/neiskrenniy_diskurs.pdf
- Тофльр А. (1996), *Трусове във властта: Знание, богатство и насилие на прага на XXI в.*
- Шаховский В. И. (1998), *Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации*, Человек в коммуникации: аспекты исследования, Волгоград, с. 173–204.
- Экман П. (1999), *Психология лжи*, Санкт-Петербург.
- Яковлева Е. А. (2003), *Концепты «правда» и «ложь» как антиномии русской ментальности*, [в:] *Слово памяти: сб. статей, посвященный проф. А. К. Панфилову*, Москва, с. 177–186.
- Sacks H. (1975), *Everyone has to lie*, [in:] eds. M. Sanches, B. G. Blount, *Sociocultural Dimensions of Language Use*, New York: Academic Press, Vol.1, pp. 57–74.

Stefka Janczeva Petkova-Kaleva

THE LIE AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON (IN BULGARIAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURE)

(Summary)

The paper dwells on the various aspects of *lie* as one of the «faces» of ingenuine speech behavior. It further attempts to conceive the basic structural modifications of *lie* on the basis of the linguistic markers typical to this phenomenon in Russian and Bulgarian linguoculture. The classification of the linguistic exponents of the phenomenon forms the communicative behavior of the sender with respect to the realization of his/her communicative intention. The paper also discusses its variants such as slander, appraisal, compliment, disorientation, mystification and others. Specific national stereotypes in the interpretation of the phenomenon are also presented in the article.

Keywords: lie, speech behavior, insincere discourse.